

УДК 821.13.6.
ББК84 (4Шве)-44
Р97

Рюндберг, Юхан
Р97 Королева воров = Tjuvdrottningen / Ю. Рюндберг; пер. со шведского
М. Людковской. – М. : Издательство Альбус корвус, 2026. – 176 с. –
ISBN 978-5-00114-538-7.

© Johan Rundberg and Natur & Kultur, Stockholm 2021
Russian edition published in agreement with Koja Agency
© Мария Людковская, перевод на русский язык, 2025
© Виктория Попова, оформление обложки, 2025
© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на русском языке, 2026

Оглавление

Глава 1.....	9
Глава 2.....	16
Глава 3.....	22
Глава 4.....	26
Глава 5.....	33
Глава 6.....	37
Глава 7.....	43
Глава 8.....	50
Глава 9.....	56
Глава 10.....	61
Глава 11.....	67
Глава 12.....	71
Глава 13.....	75
Глава 14.....	80
Глава 15.....	88
Глава 16.....	92
Глава 17.....	98
Глава 18.....	101
Глава 19.....	108
Глава 20.....	114
Глава 21.....	119
Глава 22.....	125
Глава 23.....	129
Глава 24.....	133

Глава 25.....139

Глава 26.....142

Глава 27.....146

Глава 28.....151

Глава 29.....156

Глава 30.....164

Глава 31.....171

Глава I

Мика осторожно отпустила трубу и пошла по коньку крыши, раскинув руки в стороны, как канатоходец. Утром был дождь, и ноги скользили по мокрому металлу. Однако тучи уже промчались дальше, и воздух казался прозрачным и свежим. Вид на север открывался до самой Обсерватории и Сибири с ее стройками*, на юге до подножия горы Катаринаберьет кривой линией тянулись колокольни церквей. Не отрывая глаз от горизонта, Мика сделала еще несколько шагов. Если она сейчас поскользнется, то зацепиться будет не за что, она просто скатится вниз и упадет на мостовую. Если повезет, приземлится на ноги и уцелеет. Но, скорее всего, ее ждет мгновенная смерть. От ощущения свободы бурлила кровь.

— Везет же матросам на «Веге»! У них такая жизнь — каждый день! — прокричала Мика. — Висят себе на

* Сибирью жители Стокгольма прозвали район в северной его части, в Васастане, когда в конце XIX века город все больше разрастался и застраивался. В то время это была совсем еще дальняя окраина, и жизнь в такой глуши представлялась сродни жизни в далекой сибирской ссылке. И хотя сейчас эти кварталы — самый что ни на есть центр, название Сибирь бытует до сих пор. *(Здесь и далее прим. перев.).*

мачтах и высматривают, нет ли где айсбергов. Вот бы и мне так!

Иногда после ужина Амелия читала им газету. Вчера там писали про путешественника по имени Норденшёльд, который открыл морской путь в Азию через Северный Ледовитый океан. Экспедиция длилась два года, и корабль «Вега» уже совсем скоро ждали в Стокгольме, на набережной Стрёмкайен.

— Ты бы в Ледовитом океане и двух минут не продержалась, — крикнул ей в ответ Руфус. — Стой посередине, не приближайся к краю. Один порыв ветра, и тебе конец.

Мика притворилась, что не слышит. Руфус в последнее время стал слишком уж зазнаваться. Все, возможно, оттого, что поступил в ученики к трубочисту Францёну на улице Чэрховсгатан. Денег за это почти не платили, зато профессия ему была обеспечена. Кто бы мог подумать, что кривобокого Руфуса возьмут в ученики трубочиста? Хотя после долгой зимы у стокгольмских трубочистов работы всегда невпроворот. Все дымоходы забиты сажей, и кто-то должен ее отчищать. Для этого нужны худые мальчишки, которые могут легко пролезать в узкие трубы. Сегодня Руфусу выдали ключ от чердака и специальную щетку, чтобы самостоятельно прочистить дымоходы приюта.

— Ты обещала мне помочь! — нетерпеливо крикнул он.

— Иду, иду, — отозвалась Мика.

Когда она развернулась и пошла обратно, то внизу, в толпе на улице Дроттнинггатан, заметила две знакомые фигуры. Кудрявый темноволосый мальчик притко лавировал мимо извозчиков. За ним торопливо семенила девочка в косынке и огромных ботинках. Это были

Оссиан и Кристина. Мика осторожно спустилась на люкарну*, чтобы подобраться поближе к краю. Было начало третьего, и Оссиану с Кристиной вообще-то полагалось сидеть на уроке. Но последнее время после утренних дел по хозяйству эти двое стали куда-то пропадать. Мика понимала, что после целой зимы в стенах приюта ребят так и тянуло выбраться в город. Но в то же время улицы полны опасностей, особенно если ты сирота. Мика высунулась за край крыши, чтобы разглядеть получше.

— Что ты делаешь? — закричал Руфус. — Ты что, с ума сошла?

Фигурки внизу направлялись вовсе не в приют. Они свернули на Адольф-Фредрикс-Сёдра-Чюркугата и исчезли из виду. Мика выпрямилась и пошла обратно к коньку, где, прислонясь к трубе, сидел Руфус. Не дойдя до него несколько шагов, она сделала вид, что теряет равновесие, и тут же расхохоталась, увидев его перекошенное от ужаса лицо.

— А трубочист Францен знает, что ты боишься высоты? — словно дразнясь, спросила она.

— Ничего я не боюсь, — проворчал Руфус. — Стоя на крыше, надо за что-то держаться. Это полезно для здоровья.

Он взял мешок с инструментами и достал оттуда железное ядро размером с кулак, привязанное к длинной веревке. Над ядром крепилась щетка — связанные в пучок тонкие прутья, которые счищали сажу со стенок дымохода.

* Так называется надстройка с отдельным окном на крыше дома.

Руфус поднялся. Колени его немного дрожали. Он стал медленно опускать ядро в дымоход. Веревка в его руках поначалу легко скользила вниз, но вдруг ядро как будто во что-то уперлось. Руфус слегка подергал веревку, потом подергал сильнее, но ничего не происходило.

— Похоже, застряло, — сказал он.

— Дай мне, — сказала Мика и протянула руку. — Наверное, это просто птичье гнездо.

— Пусти, не мешай, — огрызнулся Руфус.

Вдруг в дымоходе что-то зашуршало. Веревка натянулась, выскользнула у них из рук и быстро, как змеиное жало, исчезла в темноте. Ядро с оглушительным гулом неслось вниз, минуя этаж за этажом, и наконец упало. Здание приюта содрогнулось.

Несколько секунд было тихо. А затем из дымохода раздался леденящий душу крик.

Мика и Руфус уставились друг на друга.

— Это труба от какой печки? — спросила Мика.

— От кухонной, — сказал Руфус.

Они прыгнули в люк и сломя голову сбежали вниз по лестнице. Когда Мика распахнула дверь на кухню, там висело облако черного дыма. Ядро содрало золу и сажу со стенок дымохода, и теперь вся эта гарь клубилась в воздухе. Упав, ядро, видимо, пролетело через всю кухню и лежало теперь у двери. Когда дым рассеялся, они увидели, что Амелия растянулась на полу без признаков жизни.

— Она что?.. — прошептала Мика, но не успела закончить фразу, как Амелия приподнялась и села.

— Умерла, ты хочешь сказать? Нет, но могла бы — это пушечное ядро чудом меня не прибило. Да что вы тарачитесь, помогите встать.

Амелия вытянула руки, как ребенок, который хочет, чтобы его подняли.

— Мы не нарочно, — сказал Руфус, когда они поставили Амелию на ноги. — Мы нечаянно уронили ядро в дымоход.

— Ты уронил, — поправила его Мика.

Руфус открыл было рот, чтобы возразить, но Амелия опередила его.

— Как бы там ни было, вызовем лучше настоящего трубочиста, — строго сказала она. — Пойду умоюсь. И чтобы к моему возвращению кухня сверкала как новенькая. Все ясно?

Не дожидаясь ответа и все еще ворча себе под нос, Амелия удалилась. Мика и Руфус неуверенно переглянулись. Кухня напоминала подвал для хранения угля, все вокруг было черное, кроме того места, где лежала Амелия. На каменном полу был четко обрисован контур человеческого тела — с головой, ногами и руками. Мика расхохоталась. Будет что рассказать детям за ужином.

— Эх, — вздохнула она. — Ты пока подмети самую грязь, а я схожу за водой.

Два часа ушло у них на то, чтобы худо-бедно отчистить кухню. Закончив, Мика провела пальцем по собственной руке ниже локтя. Жирная сажа въелась в кожу, как татуировка.

— Это ни за что не отмыть, — констатировала она.

— Знаю, — сказал Руфус, и в голосе его как будто прозвучали довольные нотки.

После уборки Мика пошла переодеться. Проходя мимо спальни старших детей, она увидела Оссиана. Тот стоял на коленях у своей кровати и с чем-то возился.

— Где ты был? — спросила она.

Оссиан вздрогнул и быстро встал.

— Ничего, — поспешно и невпопад ответил он. Потом увидел перепачканное в саже лицо Мики, и его брови поползли вверх. — Что это с тобой?

— Я спросила, где ты был, — сказала Мика. — Ну-ка отойди.

Она отодвинула Оссиана в сторону и подняла матрас. Под ним был только мышинный помет. Мика опустилась на колени и заглянула вниз, под кровать — тоже ничего. Она уже хотела подняться, как заметила в матрасе маленькую дырочку. Мыши часто прогрызали дырки в матрасах, но эта выглядела иначе — так, как будто шов распорили. Мика провела ладонью по краю матраса: под тканью было что-то твердое. Тогда она просунула руку в отверстие и извлекла оттуда маленькую золоченую коробочку.

Оссиан напрягся.

— Где ты это взял? — спросила Мика и приоткрыла крышку, украшенную затейливым узором.

В коробочке ничего не было, кроме щепотки сухих табачных крошек. Она напоминала табакерку.

— Одна дама на Франтовском променаде* дала, — ответил Оссиан. — В подарок.

— И я должна в это поверить?

Губы Оссиана сжались упрямой ниточкой.

— Это правда. И не думай, я не попрошайничал.

— Как зовут эту даму?

* В XIX веке Франтовским променадом (по-шведски Snobbrännan) неофициально называлась Дроттнинггатан, ныне главная пешеходная и туристическая улица в центре Стокгольма.

Оссиан молчал.

— Я поговорю с Амелией, — продолжила Мика. — Если выяснится, что ты не врешь, получишь свою табакерку обратно.

Оссиан опустил голову. Тощий и долговязый, за последние месяцы он еще больше вытянулся — совсем скоро догонит Мику. Ей вдруг стало стыдно. Каждому ребенку нужен тайник, чтобы хранить свои секреты. У Мики тоже было такое тайное место, за расшатанной доской у печки.

— Знаешь что... — сказала она и чуть помедлила, прежде чем продолжить. — Амелия говорила, нам нужен помощник, ведь Руфус пошел учиться, а у меня в «Часовне» сейчас столько работы. Ты вполне мог бы...

— Заменить тебя и стать, как ты? — перебил ее Оссиан и с насмешкой посмотрел ей в глаза.

Мика не сдержалась и наотмашь ударила Оссиана по щеке. Рука как будто сама взлетела в воздух. Звон оплеухи эхом прокатился по спальне. Оссиан скорее удивился, чем расстроился. Затрепачкой в приюте никого не удивишь. Но Мика еще ни разу никого не ударила, во всяком случае с тех пор, как сама начала здесь работать. Кто-то ахнул у нее за спиной. Она обернулась и увидела в дверях изумленных Кристину и Эдвина. Мика словно сделала шаг в сторону и увидела произошедшее их глазами. Увидела тощего, как скелет, Оссиана и черные полосы от ее пальцев у него на щеке. Увидела себя саму, с ног до головы перемазанную в саже, с табакеркой Оссиана в руке.

Не говоря ни слова, Мика протиснулась к двери и исчезла в коридоре.

Глава 2

Амелия поднесла табакерку к свету керосиновой лампы, чтобы разглядеть получше.

— Подарок? — с сомнением повторила она, глядя сквозь круглые очки, едва держащиеся на кончике носа.

Мика кивнула.

— Говорит, какая-то дама на Франтовском променаде подарила.

Чувство было такое, как будто она ябедничает, но что поделаешь. Когда кто-то из детей нарушал правила, она была обязана доложить об этом начальству, то есть Амелии. Если Оссиан попрошайничал и выклянчил табакерку на улице, то это могло повториться и стать привычкой. А приютские дети, пойманные за попрошайничеством или воровством, рисковали угодить в детский исправительный дом, который мало чем отличался от тюрьмы.

Амелия задумчиво провела шершавым кончиком пальца по гравировке, постучала ногтем по крышке.

— Полагаю, такое вполне возможно, — наконец сказала она. — Весной, после долгой зимы, некоторые богатые дамы испытывают угрызения совести. Может, какая-нибудь из них действительно сжалась над Оссианом и сунула ему табакерку своего муженька.

Ее ответ озадачил Мику. Амелии было не свойственно хорошо отзываться о людях. Она не была злая, просто не принимала на веру все подряд.

— Похоже на золото, — заметила Мика.

Амелия фыркнула:

— Глупости. В лучшем случае латунь.

Она положила табакерку на стол и толкнула ее в сторону Мики.

— Завтра утром можешь вернуть ее Оссиану.

Мика удивилась спокойствию Амелии, но послушно убрала табакерку в карман. Ссора с Оссианом по-прежнему не выходила у нее из головы. Хорошо, что она сможет вернуть ему табакерку. Амелия откинулась на спинку, и стул под ней заскрипел. Дверца архивного шкафа у нее за спиной была открыта, на столе лежал какой-то документ. Имени было не видно, но Мика понимала, что это метрика, бумага, которую составляют при поступлении ребенка в приют. В ней записывают рост, вес и возраст ребенка. А также имена родителей, если это известно.

— Что-то еще? — коротко спросила Амелия.

— Да... вам не кажется, что со старшими детьми происходит что-то странное? — осторожно спросила Мика.

Амелия нахмурилась:

— Что ты хочешь сказать?

— Я и сама точно не знаю, — призналась Мика. — Но они изменились. Замкнулись как будто. И не только Оссиан, Кристина тоже.

— Они взрослеют, — сказала Амелия. — Я не слепая, я заметила, что они стали сбегать с уроков. Но тебя они слушаются, поговори с Кристиной.

Мика сомневалась, что это поможет. Затрещинами послушания не добьешься.

— А Оссиан? — спросила она. — С ним кто поговорит?

Амелия вздохнула и опустила руку на документ, лежащий перед ней на столе. И тут Мика поняла: что-то произошло.

— У Оссиана теперь есть семья. Завтра его забирают.

Эта новость была для Мики как удар под дых. Значит, Оссиан уезжает — вот почему она должна вернуть ему табакерку самое позднее завтра утром.

— Забирают? Кто?

— Их фамилия Санделиус, — ответила Амелия. — Довольно состоятельная пара. Он — мастер на небольшой каменоломне в Юнгфрудансене. Он рассказал, что весной фирма будет расширяться. В городе как будто хотят класть какую-то новую брусчатку, да и вообще, сейчас столько всего строится.

Мика помрачнела. Она прекрасно понимала, что это значит. Почти все приютские дети хотят попасть в семью. Но приемные родители бывают разные — есть те, кто искренне мечтает о детях, и те, кому просто нужна даровая рабочая сила. Мика никогда не забудет Клару Линд, сестру Ночного Ворона, которая погибла, никому не нужная, на мыловарне, где работала ночами, без всякого жалования, только за угол у мастера, который ее удочерил.

— А почему Оссиан не знает, что его берут в семью? — спросила Мика. — Неужели они не хотели сперва с ним познакомиться?

— Они искали здорового мальчика. Оссиан был первым в очереди на усыновление. Вот и все, — резко

ответила Амелия, но потом смягчилась: — Он живет в приюте с шести месяцев. Пора и ему начинать работать. Худоват, конечно, но ничего, окрепнет. И даже если он в самом деле начал попрошайничать, то теперь эта проблема отпадет сама собой.

Мика отвернулась, слезы жгли глаза. Она понимала: Амелия права. Приют — не дом, рано или поздно всем приходится уезжать. Но она хорошо знала Оссиана. Знала, что если бы он остался в школе, то его жизнь, возможно, сложилась бы иначе. Но теперь вместо этого он попадет на каменоломню в Юнгфрудансене.

— Мало ли как оно повернется, — утешила ее Амелия. — Быть может, и для тебя найдется семья.

— Дело не во мне, — огрызнулась Мика.

Правда и в то же время нет. У Мики никогда не было ни отца, ни матери. И, возможно, никогда не будет — она смирилась. Но думать об этом нельзя. Потому что если поддаться, если впустить эту тоску, то она разрушит все, что ты с таким трудом создала. Поэтому Мика просто перестала надеяться.

Она сделала глубокий вдох. А потом тихо, едва слышно, сказала:

— Вы когда-нибудь собирались мне рассказать?

— Рассказать о чем? — спросила Амелия.

Мика подняла голову и посмотрела ей прямо в глаза.

— О том, что у меня есть фамилия.

Амелия искренне удивилась.

— Нет у тебя никакой фамилии, — сказала она. — И ты это прекрасно знаешь. Что за странные вопросы?

Сердце колотилось у Мики в груди. Она с самой зимы ждала подходящего момента, она хранила свою

тайну. Если не заговорить об этом сейчас, другого случая не будет.

— Я видела свою метрику, — сказала она. — Зимой, когда мы с Хоффом искали документы у вас в шкафу.

Словно черная тень пробежала по лицу Амелии, она поджала губы, взгляд заострился. Не сиди Мика на стуле, она бы отпрянула назад.

— Паршивый медведь! — прошипела Амелия. — От него одни несчастья. Не надо было пускать его на порог.

— Почему? Потому что я узнала, что у меня есть фамилия? — спросила Мика.

— Потому что он рисковал твоей жизнью, — воскликнула Амелия. — Никогда ему этого не прощу.

— Вальдемар никогда не просил меня рисковать жизнью, — прошипела Мика в ответ. — Все, что я делала, я делала по собственной воле.

Они долго молчали, глядя друг на друга исподлобья. Слышен был только стук копыт да скрип телег на улице.

— Я просто хочу знать, кто я, — наконец сказала Мика.

В глазах Амелии на миг промелькнуло сомнение. Но потом она лишь покачала головой.

— Думай, что хочешь, — медленно проговорила она, — но кроме того, что ты и так уже знаешь, я ничего тебе не могу рассказать. Ты — Мика из Городского приюта. Твое дело — как и мое — отвечать за жизнь детей и следить, чтобы они не оказались на улице, до тех пор, пока они здесь и у них не появился новый дом. Я понимаю, что тебе хочется чего-то другого, большего, но такова наша доля. Быть может, не самая завидная, но бывает и хуже. Понимаешь, о чем я?

«Не можешь или не хочешь?» — про себя подумала Мика. А потом кивнула. Не потому, что поняла. Однако ее фамилия, Монвинд, не могла взяться из ниоткуда. Если она досталась ей не от родителей, то, значит, от кого-то еще. Но заставить Амелию раскрыть секрет она не может. Словно давая понять, что разговор окончен, та повернулась к Мике спиной и убрала метрику Оссиана в архивный шкаф. Вздохнув, Мика встала, но задержалась в дверях.

— Завтра мне надо в «Часовню», — сказала она. — Во сколько приедут за Оссианом?

— В десять, — не оборачиваясь, ответила Амелия.